

Николай Зеляк

Когда пришло утро

Фантастическая повесть

Николай Земяк

**Когда пришло утро.
Фантастическая повесть**

«Издательские решения»

Земяк Н.

Когда пришло утро. Фантастическая повесть / Н. Земяк —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933445-9

Каменный век. Пещерный человек. Вокруг него свирепствуетестественный
отбор, где сильный всегда прав. И существуя в этом диком мире, однажды,
человек впервые задумался над тем, что кроме жестокости и бездушия, есть
ещё настоящая дружба и любовь...

ISBN 978-5-44-933445-9

© Земяк Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Когда пришло утро Фантастическая повесть

Николай Зеляк

© Николай Зеляк, 2018

ISBN 978-5-4493-3445-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моей любимой внучке Катеньке!

Dedicated my beloved granddaughter Katenka!

Дорога длинна. У неё потерялось начало и ей не видно конца. Она не широка и не пряма. Напротив. Она изобилует неровностями, резкими поворотами и неожиданными, часто очень опасными встречами.

По этой дороге идёт человек. Для человека было главным пройти её, но, при этом, не потерять себя. Он хотел стать сильным и уверенным в себе. Ведь только идущий может осилить трудный путь.

На этом пути человек встретит и друзей и недругов, любовь и ненависть, дружбу и предательство. И если он сможет выстоять и преодолеть все препятствия, возникающие на его пути, то он станет другим. Сильным и справедливым. Не таким, как многие вокруг него. Он ломает традицию. И тогда многие увидят это и примут его сторону...

Глава 1

Это круто

У развалов свежих археологических раскопов стояли два высоких, красивых человека. Они оживлённо беседовали. Весенний ветерок трепал их волосы и полы расстёгнутых плащей. Перед ними развернулась впечатляющая панорама целой россыпи, нетронутых временем, земляных нор, гротов и пещер. Были ли они карстового, тектонического или иного происхождения, это не важно. Главное заключалось в том, что они некогда служили местом обитания доисторического человека.

Археологическое чудо обнаружилось случайно, благодаря оползню из тысячелетних почвенных отложений. А если точнее, то вследствие небывало сильного ливня, вызвавшего этот счастливый оползень. В одном месте, на боку покатой, ничем не примечательной возвышенности образовалась трещина. Она сразу же привлекла взоры, случайно проходивших мимо туристов. К счастью, среди них оказались серьёзные люди, которые сообщили о своём открытии, куда следует.

Далее за работу принялись археологи. Их усилиями были открыты, одно за другим, сразу несколько обиталищ пещерного человека. Но на этом дело не кончилось. Работа лишь набирала обороты. Своё открытие учёные отнесли к большой археологической удаче. Суть её заключалась в том, что обиталища древнего человека сохранили в неприкосновенности скудные крохи предметной среды той эпохи. По существу, они представляли собой своеобразную капсулу законсервированного времени.

При беглом взгляде создавалось впечатление, что пещерные люди преднамеренно покинули свои жилища. И сделали это поспешно. Выглядело всё это весьма странно. Ведь они, надо полагать, проживали в достаточно комфортных условиях. Квартирный вопрос перед ними не стоял. Любопытно, что же заставило их покинуть столь насиженное место? Это обстоятельство не могло не заинтересовать учёных.

Один из беседующих был одним из руководителей Центра путешествий во времени, а другой – путешественником во времени. Причём, очень опытным. Он уже успел повстречаться с Александром Македонским, побывал лунной ночью в Гефсиманском саду, понюхал пороха Великой Отечественной, нырял в параллельный поток времени и сделал многое другое. Звали их Год Веков и Глеб Дронов.

Дронов, с нескрываемым любопытством, рассматривал лоно самой большой пещеры. Судя по её размерам и «роскоши» оставленных артефактов, она явно принадлежала продвинутому пещерному персонажу. Кто он, догадаться было не трудно? Скорее всего, это был вождь! Больше некому. Путешественник во времени с фотографической точностью запечатлел подробности внутреннего облика древней пещеры, а его мозг, с лёгкостью мощного нанопроцессора, зафиксировал их в своей памяти. Ведь такое многообразие предметов пещерного быта, а точнее, их осколков, в истории археологических изысканий встречалось не часто!

Веков с интересом отреагировал на неподдельное удивление Дронова.

– Нравится?

Глебов кивнул головой.

– Впечатляет!

Год улыбнулся.

– Согласен.

Путешественник во времени с трудом оторвал свой восхищённый взгляд от пещерных «сокровищ» запредельно далёкой эпохи, и посмотрел на своего непосредственного начальника. В глазах сожаленье.

– Жаль только, что побывать там невозможно!

Веков усмехнулся:

– Ты так думаешь?

Дронов с робкой надеждой спросил:

– Что, есть возможность?

Год спокойно ответил:

– Есть.

Глеб удивился.

– Туда, в самом деле, можно попасть? Это не шутка?

Веков загадочно улыбнулся.

– Можно, дорогой Глеб, ещё как можно...

Дронов не верил своим ушам.

– Серьёзно?

Веков являл собой самую уверенность.

– Конечно!

Путешественник во времени недоверчиво посмотрел на своего шефа. На его губах обозначилась ироничная усмешка.

– На пару минут? А после этого временной портал прищемляет хвост?

Ответ шефа стал для него полной неожиданностью:

– Нет, мой дорогой, не на пару минут. Далеко не на пару минут!

Дронов загорелся:

– Не томи меня, шеф!

Веков продолжил свою мысль:

– В заинтересовавшую тебя эпоху, Глеб, теперь технологически реально попасть, скажем, на двадцать четыре часа.

Уверенно дополнил сам себя:

– И это минимум.

Дронов повеселел: не верить начальству у него не было оснований.

– Двадцать четыре часа? Не может быть! Это круто!

Задал профессиональный вопрос:

– И можно подгадать под конкретное событие?

У Векова между бровями обозначилась морщина.

– Сложно, но пытаться надо. Сегодняшние технологии, в принципе, позволяют. Правда, при расчёте могут возникнуть некоторые трудности. Но их можно преодолеть.

Градус настроения путешественника во времени поднялся ещё выше.

– Это же другое дело!

Осторожно полюбопытствовал:

– И кто тот избранник судьбы, который отправится туда?

Веков ответил вопросом на вопрос:

– А ты как думаешь?

Всё существо Дронова преисполнилось радости. Конечно же, это он – Дронов. Ведь не зря Веков пригласил его на эти роскошные, археологические раскопки. Но прикинулся младенцем:

– Не имею понятия.

Начальник пожурил его:

– Не кокетничай, Глеб! Это тебе не идёт.

Лицо Дронова стало серьёзным.

– Неужели, я?

Веков ответил официальным тоном:

– Да, Глеб, ты. Я рекомендовал твою кандидатуру. Совет поддержал.

Дронов, в знак благодарности, склонил голову.

– Я тронут.

Веков сделал предостерегающий жест рукой.

– Однако есть одно условие.

Дронов насторожился.

– Какое?

Взгляд шефа стал твёрдым.

– Категорически запрещается нарушать Кодекс.

Глеб спокойно ответил:

– Мне это известно.

Веков продолжил:

– Только наблюдать и не вмешиваться в естественный ход событий! Только наблюдать и ничего больше! Слышишь, ничего! Уж слишком глубоко мы копнули...

Скептически посмотрел на Дронова.

– Не вмешиваться даже в том случае, когда ход событий не нравится наблюдателю!

Глеб недовольно буркнул:

– Это трудное условие.

Веков с ним согласился:

– Я понимаю тебя. Условие действительно трудное. Особенно для тебя. Но ты всего лишь гость из будущего. Причём непрощенный. Всегда помни об этом!

Жёстко предупредил:

– Другого варианта поведения не существует. Надо всегда помнить постулат, гласящий о том, что прошлое определяет будущее!

Сделал небольшую паузу:

– Даже ничтожное воздействие на прошлое, может привести к непредсказуемым потрясениям в нашем настоящем! Впрочем, зачем я тебе всё это говорю? Ты и сам всё прекрасно знаешь!

Дронов буркнул себе тихо под нос:

– Если что и произойдёт, то не известно ещё, где человеку будет лучше: среди природы или в электронно-искусственном мире!

Но, громко озвучил другую мысль:

– Как у Брэдбери? Только с той разницей, что злополучная бабочка, в нашем случае, всё же улетит, взмахнув своим радужным крылом!

Веков кивнул:

– Хорошая аналогия, точная. Однако, отличие в том, что Брэдбери фантазировал, а мы будем иметь дело с кондовой реальностью!

Дронов тяжело вздохнул.

– Я постараюсь...

Голос руководителя из Центра хронопутешествий прозвучал неожиданно жёстко:

– Уж сделай милость!

Дронов задумчиво перевёл свой взгляд на доисторическую пещеру.

– Когда?

Веков ответил неопределённо, но обнадеживающе:

– Скоро!

Дронов с трудом скрывал свои положительные эмоции. Внутренне он уже готовился к погружению в головокружительно глубокую толщу времени...

Глава 2

Чара

Вождя племени звали Чап. Выглядел он важно и выделялся пышной волосатостью. Правда растительность на его теле распространялась неравномерно. На голове и на физиономии вождя она произрастала гуще, а на других частях фигуры жиже. Собственную персону он носил с достоинством. Своим социальным статусом упивался. Чап уже не помнил, когда занял ответственный пост вождя. Календарей в ту пору не водилось. Да и пещерный люд, в основном, умел считать от силы до двух. Всё, что было больше этого числа, считалось много.

Руководить вождю нравилось. Он уже давно уяснил, что власть никогда не надоедает и её много не бывает. А ещё она хороша тем, что приносит одни приятности. Внутренне он, по-прежнему, ощущал себя настоящим охотником. Однако, со временем, ощущение это у него притупилось. Если бы сейчас ему пришлось поохотиться на быстроногую и осторожную тварь, то уже вовек не добыть вожаденный трофей. Вождь это понимал и не собирался искушать судьбу. Ему и так доставало и парного мяса и сахарной кости. Охотники исправно приносили вождю его нехилую долю. Поэтому жил вождь не хлопотно. Доли хватало, чтобы насытиться самому и накормить свою прожорливую, придворную свиту. Часто, после обильного пиршества, оставались даже излишки. Рачительный вождь складывал их про запас. А поскольку холодильника у него не было, то неприкосновенный запас, со временем неизбежно переходил из одной категории свежести в другую, которая пониже. По этой причине, в апартаментах вождя всегда стоял сильный, но устойчивый дух.

В его придворной свите официально числилось всего четыре охотника. Кандидатуры подбирал сам! Конечно, в народе находились ещё и любители послужить добровольно. То есть, волонтёры. Как без этого. Но волонтёров вождь особо не жаловал. Так, бросит иногда кость и забудет. А эти четверо профессиональных придворных были его настоящей опорой. И им нравилось состоять на государевой службе, где можно было вволю поесть и поспать, ничуть не заботясь о дне грядущем. Звали счастливцев Чав, Чвак, Кач и Кич.

Долговязый Чвак и упитанный коротышка Чав были у вождя на подхвате, а кряжистые Кач и Кич пребывали в резерве. Целые сутки, за исключением сладостных моментов поедания мяса, они мирно храпели в глубине пещеры. Их боевые копья лежали рядом. Вождь не тревожил их без нужды, справедливо полагая, что отдохнувший воин – это хороший воин.

Если говорить о семейном положении вождя, то в данном вопросе царила полная неопределённость. Нельзя утверждать, что у него не было женщин. Были. Но долго не задерживались. Как только они начинали толстеть, то ли от обильной еды, то ли ещё от чего, он тут же их удалял восвояси. Место ушедшей, первой леди, тотчас занимала следующая, приведённая к нему сатрапами. Желала ли она следовать к вождю добровольно или нет, об этом у неё спросить забывали. Любили ли женщины вождя? Трудно сказать. Скорее всего, только редкая из них была от него в восторге. Вождь в долгу перед ними не оставался и платил им той же монетой. Позже о таких отношениях великий поэт скажет: *«Он их искал без упоенья...»*

Одет вождь был демократично и просто. Как все. Но по моде. Его круглое тело украшала лишь шкура юного барашка. И всё. Больше ничего декоративного в костюме.

За годы многотрудной работы вождём, Чап сделался хитрым, коварным, и непредсказуемо заносчивым руководителем. Слыл отменным демагогом. В своих речах любил употреблять слово «народ». Мог бы с успехом употреблять и термин «электорат», если бы в его эпоху существовала европейская демократия. Причём, слово «народ» вождь непременно связывал с собственной персоной. А еще он обожал употреблять другие важные слова, которые так ласкали слух этого самого народа. Однако за всеми, сказанными им, красивыми словами зияла при-

вычная пустота. Со временем, он стал считать свою персону олицетворением всего племени и дерзко полагал, что без его личности оно пропадёт. Если бы в данный момент на его месте оказался король Франции, Людовик XIV, то он, наверняка, провозгласил бы: «Племя – это я!»

В народе эту доктрину вождя разделяли далеко не все. Однако открыто выступать не решались. Видно, революционная ситуация ещё не созрела. Да и репрессий побаивались. Ведь у вождя, как не крути, за спиной стояла прикормленная свита.

И вот случилось так, что вождь, страдавший от нерастраченной любви, однажды увидел юную Чару. Та обитала со своей матерью в небольшой пещере на периферии стойбища. Она вождю приглянулась, и он послал за ней своих сатрапов, чтобы они доставили её в его резиденцию.

Хитрый вождь выбрал удачное время. Стояло позднее утро. Мужское население стойбища давно ушло на охоту, а потому случайных помех, при проведении операции по уводу женщины из родного дома, не предвиделось. Был на охоте и Чак, молодой охотник, которому нравилась юная Чара.

Чвак и Чав пещеру Чары нашли не сразу. А когда отыскиали её, то путь им заступила маленькая, но решительная мать Чары, Оча. Она нутром своим почувствовала неладное: с чего бы это, ни с того ни с сего, к ней завалились охранники вождя? По всему видно, не к добру!

– Чего надо?

В это время, её дочь Чара, сидевшая в уголке, тут же юркнула под шкуру пожилого буйвола. От греха подальше. Шкуру, в знак особого расположения к ней, подарил Чак. Грозился, в недалёком будущем, порадовать её шкурой мамонта. Но Чара заранее отказалась от такого роскошного подарка. Отказалась из скромности. Ей могло сделаться неудобно перед соседями. Ведь у тех такой шкуры никогда не было. Да и жильё, где она проживала, было не подходящим для такого подарка. Не тот размах. Однако намерения молодого охотника ей очень понравились. Хотя сам молодой охотник, по правде сказать, ей нравился даже больше, чем шкура мамонта. А тут неожиданно притащились эти увальни от вождя! Зачем? Их никто не звал. Нехорошо всё это. Чаре стало страшно.

Чав, поначалу, выступил в роли миротворца:

– Оча, ты добрая. Мы тоже, пока, добрые. Пусты в пещеру.

Хозяйка пещерных апартаментов на провокацию Чава не поддавалась. Она осталась непреклонной.

– Идите туда, откуда пришли!

Напускное миролюбие нехотя покинуло Чава. Он заносчиво процедил:

– Плохо встречаешь гостей, Оча!

Оча же продолжала стоять стеной.

– Вас сюда никто не звал, уходите!

Долговязый Чвак глянул вверх её головы вглубь пещеры и задал весьма подозрительный вопрос:

– Где Чара? Куда спрятала её?

Присмотрелся. Миролюбиво закончил:

– Отдай нам Чару, и мы уйдём.

Оча напряглась.

– Зачем она вам?

Чвак многозначительно обратил свои взоры к небу.

– Не нам она нужна, а вождю.

Глаза Очи стали от страха круглыми:

– Вождю?

Чав торжественно подтвердил:

– Вождю!

Ободряюще хихикнул:

– Радуйся, Оча! Теперь вождь на некоторое время станет твоим родичем. Глядишь, иногда кость перепадёт!

Но Оча радоваться не спешила. Она отчаянно взвизгнула:

– Не отдам Чару! Никому не отдам!

Чвак удивился.

– И вождю?

Она решительно тряхнула головой.

– И вождю!

Тогда Чав грубо оттолкнул её в сторону.

– А тебя и спрашивать никто не будет! Это же вождь!

Они разом шагнули в тесную пещеру. Оча вцепилась в Чаву.

– Не отдам Чару!

Чав попытался её стряхнуть. Не вышло. Обратился к Чваку:

– Может стукнуть её камнем по голове, а?

Чвак возразил:

– Не надо. Вождь не оценит.

Обшарил взглядом тесную пещеру. Увидел у боковой стены, углубление, похожее на нору. Рядом лежал небольшой валун, который, видно, служил семейной скамейкой. Его неожиданно осенило. Он повернулся к, сражавшемуся с сухонькой Очей, Чаву:

– Нору у стены видишь?

Чав, пыхтя, ответил:

– Вижу. Ну и что?

– Что? Законопать её в эту нору и не больно привали камнем!

Чав засомневался:

– Будет кричать.

Чвак прагматично пожал плечами.

– Ну и что с того? Пусть себе кричит. Нам то что? Мы найдём Чару и уйдём.

Однако стоило Чаву приступить к операции по нейтрализации Очи, как тут же объявилась Чара. Она, пересилив свой страх, выпорхнула из-под шкуры и коршуном бросилась на защиту матери. Чвак преградил ей дорогу. Чара яростно кинулась на него. Чвак едва успел перехватить её руки, с хищно скрюченными пальцами. Она забилась, пытаясь вырваться. Но силы были неравны. Чвак обрадовался неожиданно подвалившей удаче.

– Ага, попалась, птичка! Теперь не улетишь!

Поторопил Чаву:

– Заканчивай с Очей и уходим!

А Чара, между тем, отчаянно сопротивлялась. Она билась, как птичка в силке. Чвак устал удерживать её руки. Он запросил помощи у Чавы:

– Помоги!

И Чав, управившись с матерью Чары, поспешил на помощь к своему соратнику. Он шустро спеленал её ремешком по рукам и ногам. Запихнул в рот кусок пыльной рогожки, чтобы не издавала подозрительных звуков. Получилось подобие мумии. Только протестующей. Удовлетворённо вытер пот на покатом лбу.

– Уф, устал!

Чвак бодро предложил:

– Теперь понесём!

Чав недовольно выпятил нижнюю губу: ему никогда не нравилось таскать тяжести.

– Донесём ли?

Чвак оптимистично ответил:

– Донесём! Она лёгкая.

Стойбище выглядело пустынным. Похитители чувствовали себя спокойно. Они шли окольным путём, подальше от досужих глаз. Операция прошла нормально. Видела их всего одна слепая старушка...

Вождь остался доволен своими придворными. Сработали они славно. Вождь перестал грызть любимую кость и подошёл к ним. Его лицо лоснилось от удовольствия и жира. Он неторопливо поковырял пальцем в щербатом рту. Упёрся водянистым взглядом в бедную Чару, оценивая добычу.

– Хороша!

Чав преданно кивнул:

– Ага!

Чап милостиво протянул ему кость.

– Возьми. Заслужил!

По-отечески, напомнил:

– Поделись с Чваком.

Похитители суетливо поставили пленницу на спутанные ноги и вцепились в протянутую им кость. Вцепились одновременно. Каждый со своего конца. И прагматично принялись её грызть, время от времени, урча от удовольствия.

Вождь же заблаговременно занял выгодную позицию, пресекая пленнице все пути к свободе. Освободил пленницу от пут. Чара поспешно вырвала изо рта негигиеничный кляп, и попыталась улизнуть. Но сходу убежать не получилось: вождь цепко поймал её за руку. Она с отвращением от него отшатнулась. К подобной реакции, со стороны юных особ противоположного пола в отношении его личности, вождь уже привык. На его, покрытой густой растительностью, физиономии не дрогнул ни один мускул. Вблизи юная дева показалась ему ещё привлекательней. Не откладывая дело в долгий ящик, Чап елейным голосом стал навязывать пленнице её неизбежное счастье в лице собственной персоны.

– Ты рада?

Она отшатнулась от него ещё сильнее. А вождь, тем временем, радостно выложил ещё один козырь.

– Теперь ты станешь жить в моей пещере!

И снова не увидел признаков счастья на её лице. Однако вождь не унывал: ведь поначалу строптивыми были все женщины, которых к нему доставляли. Потом они укрощались. Так будет и с этой.

– У тебя будет много мяса и вкусных костей. Я одену тебя в пушистую шкуру. Ты станешь самой лучшей модницей, какие только могут быть в этих местах.

Девушка демонстративно отвела глаза. Опять не подействовало... Что же ей ещё нужно? Другие, после таких слов, становились гораздо покладистей. А эта капризничает. Даже странно как-то...

И тогда вождь выложил свой главный козырь.

– Я не стану выгонять тебя из своей пещеры! Долго не стану. Слышишь?

В ответ Чара лишь презрительно фыркнула. Снова фиаско? Ладно. Вождь подошёл с другого бока и выложил ещё один убойный козырь. Он заключался в том, что вождь считал себя неотразимым кавалером и дамским сердцеедом.

– Я тебе нравлюсь?

Пещерному донжуану такими мелочами интересоваться было излишне.

Но, к его изумлению, личико Чары изобразило брезгливую гримасу. Она впервые разжала губки:

– О, какой ужас!

Вождь удивлённо повёл бровью, которая почти сливалась с густой растительностью, растущей на лбу.

– Я тебе не нравлюсь? Почему?

Брезгливая гримаса на личике Чары усугубилась:

– Ты страшный и сильно пахнешь!

Чап позволил себе не согласиться с мнением Чары:

– Неправда, я красивый и пахну подходяще!

С хрустом сжал своей волосатой лапой её хрупкую ручку.

– И ты в этом не должна сомневаться!

Самодовольно хихикнул:

– Я ведь нравился другим, понравлюсь и тебе!

Чара попыталась вырваться. Однако хватка у вождя оказалась железной.

– Пусти!

Водянистые глаза Чапа подёрнулись ледком.

– Ты плохо воспитана. Ты находишься в высшем обществе, а ведёшь себя, как провинциалка. Ты хоть понимаешь, что это нехорошо?

Она упрямо боднула головой.

– Я всё равно убегу от тебя!

Вождь самоуверенно усмехнулся:

– От меня ещё никто не убегал.

Процедил через губу:

– И ты не убежишь, а уйдёшь, когда я захочу!

Чара затравленно осмотрелась. Одни сатрапы вождя храпели в глубине пещеры, а другие грызли кость. Они не помеха! Помеха только вождь. Освободиться бы от него! Но как? Её отчаявшийся взгляд случайно остановился на небольшой куче песка у неё под ногами. И у пленницы родилась дерзкая мысль: надо ослепить вождя! Пусть на время. Но этого будет достаточно, чтобы убежать. Она резко наклонилась, набрала горсть песка и швырнула его прямо в водянистые глаза своего мучителя. Те мигом зашпаклевались. Вождь возопил и бросил её руку. Волчком закружился на месте. Его могучие кулаки бешено завращались в глазницах. Но видимость от его профилактических действий не улучшалась...

Чара же, обретя вожделенную свободу, юркнула прочь из ненавистой пещеры. Быстроногой ланью понеслась она по полю к синееющему лесу. Там, в лесу, она надеялась встретить своего друга, молодого охотника Чака, который обязательно защитит её! Когда они были наедине, то охотник рассказывал ей, что всегда охотится в этом лесу. Чара неслась, как ветер. Высокая трава больно хлестала её по лицу, рукам и плечам. А ещё она предательски заплетала ноги, мешая бежать. Чара начинала понемногу уставать, а до леса было ещё далеко.

Тем временем, Чвак и Чав, заслышав вопль вождя, оставили свою кость и подступились к беснующемуся сюзерену. Раскрыв рты, они застыли в ожидании, недоумевая. А вождь, наконец-то догадался, что протирать глаза абразивом нецелесообразно. Получалось себе дороже.

Сюзерен ещё раз возопил:

– Воды!

Чав и Чвак расторопно исполнили приказание.

– Возьми!

Вождь на ощупь схватил, сначала, одну черепушку с водой и выплеснул её себе в лицо, а потом и другую. Штукатурка нехотя сползла вниз, зацементировав растительность в нижней части лица. Глаза вождя снова обрели прежний, водянистый оттенок, но с добавлением красного. Он прозрел. Посмотрел окрест. Не узрев, пленницы в пещере, позеленел от ярости:

– Где Чара?

Чав и Чвак невинно переглянулись: откуда им было знать, где Чара? Ведь в это время они грызли кость. Чвак тактично высказал своё предположение:

– Может, убежала.

Вождь совсем стал зелёным:

– Без тебя вижу, что убежала! Куда?

Чвак рискнул высказать ещё одно своё предположение:

– Может, в лес!

Водянистые глаза вождя стали совсем прозрачными:

– В лес? А вы, почему здесь?

Чав и Чвак снова перекинулись невинными взглядами.

– Ждали, когда ты чего скажешь...

Вождь сжал кулачищи.

– Живо за ней!

Чав угодливо отреагировал:

– Ага!

Чвак последовал его примеру:

– От нас не уйдёт!

Вооружившись копьями, они двинули по направлению к лесу. Вскоре напали на след беглянки. Чвак злорадно хихикнул:

– Теперь, точно, не уйдёт!

Чвак бежал вперёди, а Чав следом. По примятой траве им двигалось легко. Не то, что Чаре, которая торила дорогу в густой траве. Расстояние между нею и преследователями неумолимо сокращалось. Они уже видели её узкую, подвижную спину.

Чара с надеждой смотрела в сторону леса. Там спасение. Там закончится трава и ей станет легче. А если повезёт, то она может встретить Чака и он защитит её. Усталость всё сильнее брала своё. Резвость её лёгких ног куда-то пропала. Они стали непослушными и ленивыми. Чара, видя приближающихся сатрапов вождя, хотела бежать быстрее, но не могла.

Чвак обернулся к Чаву. Продемонстрировал ему радостный ряд своих неровных зубов.

– Уже устала!

Чав, пыхтя, разделил радость Чвака.

– Ага!

Чвак вдохновенно повернул свою сухую голову на длинной шее в сторону Чавы.

– Скоро возьмём!

Чав, уже в который раз, смахнул пот со своего покатога лба.

– Ага!

Мелькнули первые деревья. Это опушка. Беглянка углубилась в лес. Трава стала хилее, но усталость не отступила. Она затравленно оглянулась. Преследователи приближались. Если у коротышки Чавы из травы торчала только голова, то нескладный, как кузнечик, Чвак, высывался из неё почти до пояса. Они приближались, как грозовая туча, быстро и неотвратно. И теперь ей уже никто не поможет. Никто! Робкая надежда на встречу с милым Чаком или его друзьями исчезла, растаяла, как белое облачко в далёкой синеве. На глазах у Чары навернулись слёзы отчаяния. Бежать резво она уже не могла, а только едва плелась. Силы совсем оставили её. За своей спиной она слышала голоса преследователей. Чав и Чвак торжествовали. Теперь они находились от неё на расстоянии всего, каких-нибудь, двух полётов копья.

Чвак предвкушал удачу. Не оглядываясь, он крикнул своему поделельнику:

– Всё! Она совсем остановилась! Теперь возьмём!

Однако Чав ответить ему не успел, хотя уже и открыл было, для этой цели, свой рот. В тот момент, когда он пожелал радостно отреагировать на слова Чвака, что-то постороннее мимолётно коснулось его шеи. Нельзя сказать, что ему было больно, совсем нет. Но таинствен-

ное прикосновение имело для Чава необъяснимые, и где-то даже, мистические последствия. Неожиданно тело его стало таким, словно из него вдруг, вынули все кости. И эта желеобразная масса плюхнулась на землю, смешно раскидав в разные стороны свои короткие руки и ноги. Рот так и остался радостно открытым. Но вместо слов он стал извлекать из своих недр звук, напоминающий хрюканье. Всякий, кто знал Чава накоротке, с уверенностью сказал бы, что тот крепко спит. Правда, случилось так, что Чав уснул прямо на бегу, даже не подготовив подстилки. Такого за ним раньше никогда не водилось. А нескладный Чвак, между тем, захлёбывался оптимизмом:

– Гляди, она уже спотыкается!

Сменил аллюр на шаг.

– Скоро упадёт!

Обрадовался, пришедшей в голову, удачной мысли:

– Как спелый банан!

Радостно рассмеялся. Однако Чав почему-то медлил с ответом. Чвак оглянулся. Чава нигде не было видно. Чвак сначала изумился, а потом, чуть поразмыслив, пришёл в недоумение. Какие чувства его могли посетить дальше, осталось загадкой, ибо в этот момент он, как и его коллега, тоже получил лёгкий толчок в шею. Всё произошло так быстро, что Чвак даже не успел поскукнеть. Разом куда-то провалились и лес, и поляна, и небо, и несчастная, совсем обессилевшая, беглянка. Раскидав свои нескладные конечности, Чвак свалился в траву. И тут же из его недоумевающего рта пошёл тонкий, пиликающий звук. Это был верный признак того, что Чвак сладко уснул. И тоже, прямо, на бегу.

Чара остановилась. Бежать дальше не было сил, да и шагать тоже. В отчаянии оглянулась и не поверила своим глазам: преследователей сзади не оказалось! Странно. Куда они подевались? Может, хитрят? Может, заходят сбоку? Метнула быстрый взгляд сначала в одну сторону, а затем в другую. Преследователей не наблюдалось. Как всё это странно. Вспокоилась: а что, если крадутся ползком? Но, так же медленнее! Тут же отбросила эту мысль. И, тем не менее, куда же они, всё-таки, подевались? Тут что-то не так. Что? Она не знала, а упорно размышлять не привыкла. А вскоре и вовсе перестала морочить свою голову на эту тему.

Зато теперь во всей полноте до неё дошло то, что она свободна. И как это хорошо! Внутри у неё всё ликовало. Взвизгнув от радости, она запрыгала на одном месте. Теперь она обязательно встретит Чака и тот ни за что не отдаст её вождю! Надежда придала ей силы. Она бодро зашагала вдоль опушки леса. Шла беззаботно, а зря. Так вести себя в диком лесу совсем негоже. Ведь в лесу всегда есть хозяин. Об этом ей, как-то, даже рассказывал Чак, но она всё пропустила мимо своих легкомысленных ушей. Подумаешь, хозяин какой-то! Ну и что?

Опасность подкралась, как это всегда водится, совсем незаметно. И когда Чара заметила её, то было уже поздно. По её следу бесшумно крался клыкастый зверь. Страшный и беспощадный. Даже сильные охотники избегали с ним встречи. Что уж тут говорить о Чаре, этом хрупком и беззащитном создании! Он находился на расстоянии всего одного прыжка. Ах, если бы она заметила его немного раньше, то успела бы вскарабкаться на дерево. Теперь не успеть! Пасть зверя оскалилась в страшной улыбке. Уши прижаты. Жёлтые глаза смотрят неподвижно и жутко. Чару сковал ужас. Она заморожено глядела, как зверь, сначала, припал к земле, а потом его длинное, пластичное тело взвилось в воздух. Дальше смотреть она уже не могла. Было страшно! Чара в ужасе закрыла лицо ладонями. Отняла их лишь тогда, когда услышала совсем рядом глухой звук. В полушаге от её ног красовалась огромная, клыкастая морда хозяина леса. Зверь лежал неподвижно. Страшные глаза были смежены. Могучая грудь равномерно вздымалась. Он безмятежно спал.

И тут Чару покинули остатки её сил. Она охнула и повалилась на землю без чувств, рядом со свирепым хищником...

Глава 3

Утро

Дронов прошёл временной портал без приключений. Тот находился сбоку от большой пещеры. Той самой, которая по их, Годова и Дронова, предположению, возможно, принадлежала вождю. Появление путешественника во времени удачно прикрыл развесистый куст. Глеб внимательно осмотрелся. Ничего подозрительного не заметил. Облегчённо вздохнул: первая треть операции, кажется, удалась.

Экипирован Дронов был по-спартански, надёжно и скупое. Ничего лишнего. Выглядел, как спецназовец на боевом задании. Он был одет в камуфляжную форму. На ногах берцы. Лицо в маскировочной раскраске. На груди бинокль двойного назначения. В кобуре грозное оружие. На ремне армейский нож. В объёмных карманах питание и питьё на одни сутки. Запасся ещё парой антидотов. Так, на всякий случай. Потреблять местные дары природы и пить воду, ему было категорически запрещено.

Миссия Дронова считалась опасной. По этой причине, он был вооружён подходящим оружием. Не шумным и компактным. Называлось оно электромагнитным пульсатором. Пульсатор зарекомендовал себя таким же надёжным оружием, каким, в далёкие времена, считался автомат Калашникова. Бил без промаха, но с учётом действия закона обратных квадратов. Мог завалить кого угодно, даже мамонта. И делал он это совсем не больно. Правда, обездвигивал он свою жертву, чаще всего, только на время. Из гуманных соображений хозяина этого оружия. У него не было слабых мест, кроме аккумулятора. Тот, к сожалению, имел нехорошее свойство разряжаться. Жаль, что в обиталищах пещерных людей не водились электрические розетки. Негде было подзарядиться. Хотя у Дронова в зачатке, всё же, был ещё один запасной магазин с «патронами» для пульсатора в виде того же аккумулятора. В расчёте на непредвиденный случай.

Оглядевшись, Дронов начал потихоньку осваиваться в незнакомой обстановке. Хотя она ему таковой не казалась. Посмотрел на высокое небо с пушистыми облаками, на утреннее, набирающее силу, солнце, на поле с травой по пояс, на синеватый вдалеке лес и ему не верилось, что он сейчас находится в эпохе, которая древнее его современности на целых полторы сотни веков! Громадное число! Оно настолько велико, что не укладывается в человеческую логику.

До его обострённого слуха дошли неясные звуки, напоминающие человеческие голоса. Один низкий, похожий на мужской, а другой высокий, принадлежащий либо женщине, либо подростку.

О, это уже большая удача! Он сможет увидеть настоящих пещерных людей! Дронов с трудом скрывал своё волнение. Пещера, рядом с которой он материализовался, оказалось обитаемой. Глеб, крадучись, вышел на точку удобного наблюдения. Оптика работала отменно. Всё, что делалось в пещере, он видел как на ладони. Сложнее было со звуком. Однако в этом он большой беды не видел. Языка своих древних предков Дронов всё равно не понимал. Хотя говор их Глебу показался забавным. В нём часто повторялся звук «ч» и нередко в сочетании со звуком «в». В результате этого симбиоза звучание слов приобретало «чавающий» характер. Звучало незамысловато, но смешно.

Визуальная информация была интересней. В пещере одновременно наблюдалось сразу шесть действующих лиц. Две персоны в звериных шкурах тихо сидели в глубине пещеры, склонив на волосатую грудь волосатые головы. Похоже, они банально дремали. Ещё двое действовали на середине пещеры. Они, каждый со своей стороны, самозабвенно грызли кость, какого-то большого животного. Это увлекательное занятие, кажется, поглотило их без остатка. Инди-

виды, обгладывающие кость, были более интересны друг другу, чем путешественнику во времени.

Другое дело колоритная пара, лицедействующая на переднем плане, у самого входа в пещеру. Она вела себя весьма активно, обмениваясь эмоциональными репликами на своём забавном, «чавающем» языке. Дремучий, никогда не ведавший ножниц парикмахера, мужчина держал в своей могучей, похожей на лапу медведя, руке протестующую ручку хрупкой девушки и что-то вдохновенно говорил ей, а точнее, «чавал». Возможно, объяснял ей в своих горячих чувствах, а возможно декламировал стихи собственного сочинения. Дронов этого не знал. Она же, откинувшись назад, с гримасой откровенного отвращения на милом личике, мучительно выслушивала его излияния. Губки её дрожали. Глебу казалось, что она вот-вот расплачется. Девушка, раз за разом, делала попытки выволить свою руку из потных тисков пещерного кавалера. Тщетно. Уж слишком не равны были силы!

«Ну и красавец! – тихо рассмеялся Дронов, – ну и экземпляр! Ох, как был прав старина Дарвин, как прав! Человек действительно произошёл от обезьяны, а не от кого-либо ещё. Особенно этот, который сейчас маячит перед глазами. И отпочковался он от своего предка, похоже, совсем недавно».

Особенно удивили Глеба глаза пещерного пристава. Они были водянистыми и бездушными, как у робота.

Дронову, по-человечески, стало жаль бедную девушку из пещерного мира. Он хотел было вмешаться, но желание своё подавил. Нельзя! Строгий Кодекс предписывал только наблюдать и холодно анализировать происходящее. Бог, есть бог. С заоблачной высоты своего Олимпа он должен лишь спокойно и бесстрастно взирать на невнятную возню простых смертных, копошащихся, где то там внизу, на земле и пытаться разгадать своим высоким умом её смысл. И более ничего. А жаль! Вздохнув от досады, Глеб продолжил наблюдение. Он уже предчувствовал безрадостный для несчастной девушки исход событий, как ситуация неожиданно поменялась. К счастью для девушки, и большому удовлетворению для Дронова. И творцом собственного счастья стала сама девушка. На деле она оказалась не такой уж и беззащитной!

Что же произошло? А произошло то, что пленница резко наклонилась и, набрав горсть песка, бросила его в лицо пещерному приставу. Казанова в звериной шкуре взвыл и принялся интенсивно протирать свои глаза. Операция, задуманная девушкой, удалась блестяще. Мучитель отпустил её руку, и она стала, наконец, свободной! Дронов облегчённо вздохнул: ситуация временно разрядилась.

Но как отреагируют на дерзкий поступок девушки остальные четверо? Казанова пока не в счёт. Дадут они уйти пленнице или нет? Дали! Те двое, что обосновались в глубине пещеры, так и не проснулись. А пара других, как ни в чём не бывало, продолжала грызть свою кость.

А девушка, между тем, вольной птичкой выпорхнула из пещеры и была такова. Пролетев мимо притаившегося Дронова, она, что было мочи, припустила к синему лесу. Неслась по дикому полю, не оглядываясь. Только быстро-быстро мелькали её босые пяточки, да колыхались на бегу длинные, тяжёлые волосы.

«Молодчина, – мысленно одобрил её дерзкий поступок Глеб, – недурно сработала! Однако, что теперь предпримет пещерный донжуан? Как он поведёт себя в новой ситуации?» И Глеб с интересом продолжил наблюдение.

А до пострадавшего облома, наконец, дошло, что глаза всё же лучше промыть водой, чем протирать песком. Обретя возможность снова видеть, оконфуженный ухаждёр громко выразил своё неудовольствие любителям костей. Те безропотно боднули своими косматыми головами и моментально покинули пещеру.

«А с исполнительностью у них всё в полном порядке, – с удивлением подумал Дронов, – бегут, как заводные. Даром, что каменный век! И парочка дисциплинированная, хотя и комич-

ная. Тощий и тонкий. Длинный и коротышка. Герои Чехова и Сервантеса в одном флаконе, ни дать, ни взять!»

Парочка, между тем, тоже протопала мимо Глеба и уверенно направила свои стопы к лесу. Похоже, она сходу взяла след беглянки.

«Так, – озабоченно предположил Дронов, – за строптивой красавицей, судя по всему, организуется серьёзная охота. А облом, который организовал погоню, выходит у них главный? Уж не вождь ли он? А что? Всё может быть! Ладно, оставим, на время, вождя в покое и тоже поучаствуем в этом приключении. Любопытно всё же, чем всё это закончится?»

И человек из другого мира призраком последовал за посланцами вождя. Он двигался параллельным курсом, обеспечивая себе возможность для манёвра. Так, на всякий случай. Идти скрытно за пещерными людьми, тёртому путешественнику во времени не составляло особого труда. Так, лёгкая прогулка на свежем воздухе и не более того.

Преследователи бежали быстрее беглянки. Двигались гуськом: длинный впереди, а коротышка сзади. Бежать им было гораздо легче, чем девушке, поскольку двигались они по уже проторенной дорожке! Оптика Дронова фиксировала, что беглянка уставала всё больше и больше. Особенно это чувствовалось, когда она достигла опушки леса. Казалось, беги себе спокойно дальше. Теперь ведь легко. Уже нет той высокой и густой травы, которая заплетала ноги. Увы! Как раз в этой высокой траве, похоже, она и растеряла все свои силы. Их только и хватило, чтобы дотянуть до опушки. К несчастью. А преследователи, между тем, неумолимо приближались к своей цели. Глеб даже слышал, как они между собой о чём-то торжествуя «чавали». Видно радовались близкой удаче.

Несчастливая девушка уже едва двигалась. Она стала чаще оглядываться. В больших и тёмных глазах её застыла тоска. У Дронова сжалось сердце. Ему стало жаль строптивую беглянку. «Эти двое – подумал он – сейчас догонят её и поведут к своему дремучему хозяину. Поведут против её воли, грубо смяв её хрупкое сопротивление». Дронов поморщился. Он ярко представил себе итог погони, и ему стало неприятно. Перед ним стал непростой выбор: вмешаться в естественный ход событий или нет? Это был тот случай, когда на пути благородного порыва становится железный параграф закона. Посланник из другой эпохи не имел права его преступить. Он прекрасно понимал, что преступить закон, значит нарушить его. Но не вступить за беззащитную беглянку он тоже не мог. Это не позволял ему сделать другой закон – нравственный. И он решил действовать. Главное, не наступить на бабочку! Не поломать её хрупкое крыло!

Дронов сначала занялся толстяком. Тот был поближе. Настиг его у опушки леса. Тенью скользнул к дереву и притаился за вековым стволом. Ничего не подозревавший коротышка двигал прямо на него. Когда он поравнялся с деревом, Глеб, брезгливо поморщившись, ткнул пальцем в нужное место на его негигиеничной шее. Коротышка негромко хрюкнул и мешком свалился в траву. Дронов заботливо уложил рядом с ним его боевое оружие.

Теперь подошла очередь тощего. Тот, неспешно переставляя свои голенастые ноги, семенил впереди. Не оборачиваясь, он что-то бодро вещал своему подельнику. Видно, делился радостью. И невдомёк ему, убогому, было, что делает он это зря. Его коллега в это время уже пребывал в глубокой нирване. Видимо удивлённый долгим молчанием своего пещерного собрата, он на секунду обернулся, чтобы посмотреть, что с тем стряслось. Именно в это мгновение в, незамутнённое интеллектом, течение его жизни и вмешался Дронов. Он проделал с ним ту же манипуляцию, что и с коротышкой. Погони за изнурённой пещерной красавицей больше не существовало! Напряжение спало. Дронов облегчённо вздохнул. Теперь надо думать, что делать дальше?

Чувство смутного беспокойства всё же не оставляло его. Дронов приложил к глазам свой навороченный бинокль. И что он увидел? Он увидел в глазах затравленной беглянки радость,

которая пришла на смену недавней тоске. Всё верно. Ведь она только что обнаружила, что за ней больше никто не гонится. А это, надо полагать, было для неё великим счастьем!

Дронов удивился быстрой смене её настроения. Юная пещерная дива теперь ликовала. От избытка, переполнявших её, положительных эмоций она скакала на одном месте и смеялась. И откуда только у неё брались силы! Глеб смотрел на этого юного, незащищенного человечка, из немыслимо древней эпохи, с лёгкой грустью. Он сочувствовал ему. Он сопереживал с ним. Здесь и сейчас этот человечек в безопасности. А что будет с ним через полчаса? Даже через пару минут? Вокруг дикий лес. Он полон опасностей. Беда может свалиться на её беспечную голову в любой момент!

И Дронов не ошибся. Беда действительно пришла и, действительно, внезапно. И пришла в облике свирепого зверя!

Сбоку от затаившегося Дронова, припав брюхом к земле, кралась огромная, клыкастая кошка. Несмотря на свои внушительные размеры, этот совершенный охотник двигался, как призрак. Почти как он, Дронов. Ни одна травинка не выдавала его присутствия. В бинокль было хорошо видно, как мягко пласталось длинное и могучее тело зверя. Уши прижаты. Кончик одного уха разорван. Видно, следствие былых схваток. Жёлтые глаза неподвижно уставились в одну точку. В них светилась смерть.

Путешественнику во времени стало не по себе. Если бы хищник объектом атаки выбрал его, Дронова, то это куда ни шло. Здесь ещё бабушка надвое сказала, кому бы повезло больше. Дронов был грозным противником даже без оружия дальнего боя, а всего лишь с одним армейским ножом! К несчастью, зверь выбрал другую цель. Объектом его атаки стало, ослабевшее от погони, ничего не подозревающее и радующееся своему мимолётному счастью, наивное и незащищенное существо.

Пещерное создание совершенно не чувствовало опасности и, по-прежнему, продолжало вести себя беззаботно. Разве что оно не собирало полевые цветы. У Дронова похолодело в груди. Ах, если бы беглянка вовремя заметила хищника, то успела бы взобраться на ближайшее дерево. Благо, она находилась в лесу. А так, шансов у неё уже не было!

Дронов принял решение моментально. Он сорвался с места и, пригнувшись к земле, стал гигантскими прыжками сокращать расстояние между собой и хищником. Ему надо было успеть выйти в точку надёжного боя пульсатора. Здесь, главное, не перестараться. Работать надо ювелирно. Обездвижить, но не убить. Он всегда помнил притчу о бабочке, которая должна остаться живой! Путешественник во времени видел, что зверь принял к земле ещё сильнее, а его мягкие, могучие лапы стали двигаться ещё осторожнее. Хищник боялся спугнуть свою добычу. Он готовился к последнему прыжку.

И только теперь несчастная беглянка увидела его. Увидела, когда зверь был уже рядом, когда уже ничего нельзя было сделать. Она оцепенела от ужаса, не в силах сдвинуться с места.

«Только бы успеть! Только бы успеть!» – лихорадочно билась в мозгу Дронова одна и та же мысль. Он выхватил оружие и, для устойчивости, упал на одно колено. Так удобнее целиться. Промаяхнуться он не имел права. Счёт времени шёл на мгновения. Он видел, как зверь упруго оторвался от земли, как его гибкое, сильное тело взмыло в воздух и распласталось в затыжном полёте...

Глеб нажал на гашетку. Успел ударить влёт. Электромагнитный импульс свою работу выполнил идеально. Тело хищника потеряло упругость ещё в воздухе и, пролетев некоторое расстояние по инерции, шлёпнулось на землю уже «плюшевой игрушкой». Свалилось прямо у ног, остолбеневшей от ужаса, беглянки. Колени у бедной девушки сделались ватными, и она свалилась рядом с хищником, уткнув своё наивное личико в его свирепую морду. Её бесчувственная ручка нечаянно свалилась на вздыбленный загривок зверя и там замерла. Случайное движение руки девушки было похоже на нежное, дружеское объятие. Этот жест, для стороннего взгляда, выглядел впечатляюще.

Дронов не торопясь подошёл к живописной группе, мирно почивавшей на траве. «Какая забавная, почти рождественская картинка, – с улыбкой подумал он, – жаль только, что недолговечная. Долго в одной компании им оставаться нельзя. Чревато нехорошими последствиями. Особенно, если первым в чувство придёт зверь. Увы, их надо разлучить».

Дронов склонился над бесчувственной девушкой и бережно взял её на руки. Она весила немного и поэтому нести её ему, двухметровому атлету, особого труда не составило. Путешественник во времени действовал быстро. Он опасался, что беглянка может в любой момент прийти в себя и тогда ей не избежать нового шока. Не исключено, что более сильного, чем при встрече с саблезубым тигром. О звере она хоть слышала. А вот представитель неведомого мира может произвести на неё самое непредсказуемое впечатление. И лучше такой эксперимент не проводить!

В первую очередь Дронову нужно было запутать следы. Так, на случай новой погони. А в том, что вождь её организует, Глеб нисколько не сомневался. К счастью, где-то совсем близко журчал ручей, и он направился туда. Надеялся сбить пещерных следопытов со следа. Он твердо знал, что вода и камни следов почти не сохраняют.

А пока он шагал по податливой, лесной почве. Его ботинки смачно печатали глубокие следы. И с этим надо смириться. К ручью вышел быстро. Осмотрелся. На берегу только галька и окатыши. Прекрасно. Ручей оказался широким, но мелким. Он изобиловал перекатами. Поэтому Глеб мог не только успешно запутать следы, но и без труда перейти на противоположный берег. Зачем ему понадобился противоположный берег? А затем, что выглядел повыше и был изрезан множеством ниш и углублений. В одной из таких пазух он и рассчитывал затаить до лучших времён свою спящую красавицу. Подальше от нескромных глаз.

Пройдя вверх по течению, Дронов нашёл место, где он смог бы, не замочив ног, форсировать водную преграду. И пока шёл вдоль обрыва в поисках подходящей ниши, невольно залюбовался мятежной беглянкой. Конечно, это была не раскрученная топ-модель и не надоедливо примелькавшаяся кинозвезда с килограммами украшений и макияжа. Совсем нет. Но юное создание обладало другой красотой, не вызывающе-броской, не напомажено – макияжной, а естественной, и потому более притягательной.

Ясно, что волосы её не знали гребёнки. Их никогда не украшали заколки и пружки. Однако своим здоровым, естественным цветом и пышностью они ничуть не уступали ухоженным волосам, дежурно скалившихся моделей с обложек глянцевого журналов.

Глаза красавицы были закрыты. Но Дронов помнил их живой блеск и красоту. Видел их выражение и в минуты радости и в минуты отчаяния. Длинные и совсем не накладные ресницы мягко оттеняли чуть обострившиеся, нежные черты её наивного лица.

Пухлые губки, которых никогда не касалась помада, были полуоткрыты. Словно чего-то ждали. Ему вдруг захотелось прикоснуться к ним своими устами. Но он переборол в себе эту минутную слабость.

Чистая кожа строптивой золушки дышала свежестью и здоровьем. Цветок только-только расцвел, и красоту его ещё не тронуло немилосердное время.

«Любопытно, как бы выглядела эта пещерная красавица, – с улыбкой прикинул Дронов, – если бы посетила салон красоты да приделась в приличном супермаркете. Наверняка, очень даже недурно. И вся эта нетронутая, хрупкая красота должна достаться какому-то волосатому чудовищу? Причём, без её на то согласия! Как, всё-таки, несправедливо устроен этот пещерный мир...

Впрочем, современность ничуть не лучше. Просто, она более изошрённа и цинична. И, потом, зачем ему вмешиваться в события, которые произошли сто пятьдесят веков тому назад? Смешно и немного грустно».

И всё же при одной лишь мысли о том, что на это дивное создание покушается какая-то волосатая полуобезьяна, Дронова передёрнуло от отвращения. Что ж, на то и существует человеческая натура, чтобы выражать свои эмоции! Здесь уже ничего не поделаешь...

Путешественник во времени прошёлся ещё немного вдоль берега, пока не нашёл подходящую земляную пазуху. А беглянка всё не приходила в себя. Видно, усталость и шок, вызвавшие обморок, мягко перешли в стадию глубокого сна. Её организм требовал отдыха, а потому выбрал именно такой способ защиты.

Дронов бережно опустил спящую красавицу на землю и принялся благоустраивать её временное пристанище. Сбил, нависающие сверху, комья земли. Оборвал обнажившиеся корни. Плотнo утрамбовал основание будущего ложа. Нарубил армейским ножом целую вязанку веток папоротника. Устроил из них в нише королевскую постель. Уложил, всё ещё пребывающую в беспамятстве, красавицу на роскошное ложе. Заботливо поправил её пещерный костюм из шкуры. Тщательно замаскировал импровизированное пристанище юной беглянки снаружи. Подумал даже о том, что она, очнувшись, захочет есть. Собрал с ближайших деревьев целую горку плодов, сочных и спелых на вид. Гостинец положил у изголовья спящей красавицы: пусть сама решает, что съедобное, а что нет.

После трудов праведных, сам немного прикорнул в сторонке. Разместился так, чтобы не засвечиваться. С наслаждением вытянул, гудевшие от усталости, ноги. Немного подкрепился. Смежил веки. Тело приятно расслабилось. Припекающее солнце убаюкивало. Шум ручейка как-то сразу отдалился и стал глуше. Вспомнил, сколько раз уже успел согрешить против Кодекса. Получалось, что целых четыре раза! Не много ли за одно утро? Усмехнулся: многовато, пожалуй. Но, тут же поспешил себя успокоить тем, что грешил он не очень сильно, а так, по мелочи.

Он ведь не наступил на бабочку, а лишь спугнул её. Она улетела, взмахнув своими радужными крылышками. Живая и здоровая. Правда, немного напуганная. Ну и что? От этого не умирают. Микровибрации её страха здесь и сейчас вряд ли способны спровоцировать цунами катастрофических хронологических сдвигов в его распрекрасном времени. И всё же, он предостерёг себя от опрометчивых поступков в будущем. Он ведь только наблюдатель!

Утро заканчивалось. Время подходило к полудню...

Глава 4

Невезуха

Коротышка пришёл в себя первым. Сел. Протёр глаза. Хлопнул ими несколько раз в недоумении. Выплюнул муравья, который случайно забрёл ему в рот. Потрогал сначала голову, потом руки и ноги. Кажется всё на месте. Обрадовался тому обстоятельству, что всё целое и ещё двигается. Поскрёб загривок, дремуче соображая, что же это такое с ним приключилось. Почему это он бежал, бежал и... уснул? Прямо на ходу! Такое с ним раньше не случалось. Чудно! Впрочем, долго утруждать свою голову мыслью, для него было крайне утомительным занятием.

Глянул на небо. Когда бежал, солнце светило на одной половине неба, а когда проснулся, оно стало светить на другой. Совсем нехорошо! Испугался, что много спал.

Вскочил на свои короткие, но толстые ноги. Подобрал копьё. Испуганно оглянулся в поисках Чвака. Соратника нигде не наблюдалось. Приуныл. Втянул голову в плечи и робко позвал:

– Чвак!

Прозвучало неубедительно. Позвал громче:

– Чва-а-ак!

Его тусклый голос бесследно растворился в грозных дебрях дикого леса, ответив ему лишь слабым эхом. А вот подельник откликаться не желал. Коротышка забеспокоился не на шутку:

– Чвак, ты где?

И снова, кроме эха, не услышал ничего путного.

Ещё раз поскрёб затылок: где же ты, Чвак? Может, убежал куда? Испуганно округлил глаза при мысли о том, что его съели. Хотел было уже поспешить домой. Но, что он скажет вождю? Как оправдается, что вернулся без Чвака и Чары? Подходящего ответа не находилось. Если он скажет, что преследовал Чару, а потом уснул, так и не догнав её, то вождь разгневется. И тогда Чав сильно пожалеет о том, что вернулся. Беседа с разгневанным сюзереном может обернуться непоправимыми последствиями для его драгоценного здоровья. По правде говоря, он и сам бы разгневался, услышав такой ответ. От нехорошего предчувствия живот Чав непроизвольно сжался. Ему до слёз стало жаль самого себя. Он остро осознал, что возвращаться назад без Чвака и Чары нельзя. Никак нельзя!

Крякнув для храбрости, Чав пошёл по следу Чвака. Шёл в большом унынии, ибо никаких иллюзий относительно удачного поиска не питал.

Но ему повезло. Не прошёл он и двух десятков шагов, как наткнулся на своего товарища. Тот безмятежно лежал на траве, небрежно разбросав свои нескладные ноги. В области его, не сильно отягощённой интеллектом, физиономии деловито суетились насекомые.

Чав подпрыгнул от радости. Он совсем не рассчитывал так быстро найти своего друга. Если честно сказать, то он вообще не рассчитывал найти его. И уже потихоньку готовил оправдательную версию о том, что Чвака кто-то съел. И тут такая удача! Такое счастье свалилось на его голову! Коротышка сначала даже опешил. Потом пришёл в себя и подбежал поближе. Наклонился.

– Эй, Чвак!

Подельник не реагировал. Если бы не бодро пульсирующий живот, то можно было бы подумать, что он ушёл к предкам. Коротышка повысил голос:

– Чвак, проснись!

Снова в ответ никакой реакции. Тогда коротышка ткнул его своей упитанной ногой в бок.

– Ты чего, Чвак?

Его подельник нехотя разлепил веки. Взгляд мутный и бессмысленный.

– А? Что? Ты, кто?

Он приходил в себя с трудом. Коротышка сделал попытку его обрадовать.

– Это, я!

Чвак остановил свой мутный взгляд на коротышке.

– Чав?

Толстяк радостно подтвердил его догадку:

– Ага!

Чвак тускло поинтересовался:

– Я, что, спал?

Коротышка охотно подтвердил его догадку:

– Ага!

Сонные глазки Чвака приоткрылись чуточку больше. В них проклюнулась мысль.

– А – а – а – а!

Переварив новость, он полюбопытствовал:

– А ты?

Чав сконфуженно потупил глаза. Хотя он редко говорил правду, но здесь был не тот случай.

– Я, тоже.

Чвак сел. Вопросительно взъерошил волосы.

– Почему мы уснули?

Чав в третий раз поскрёб свой затылок.

– Не знаю!

Чвак оторопело посмотрел на облака.

– И я не знаю!

Неуверенно принял вертикальное положение.

– А где Чара?

Коротышка пожал плечами.

– Не знаю.

Длинные ноги Чвака укрепились решительностью.

– Пошли искать Чару!

Чав тоже приободрился.

– Пошли!

Чвак наморщил верхнюю часть лица.

– Где будем искать?

Чав ответил традиционно:

– Не знаю!

Длинный немного подумал и высказал оригинальную мысль:

– Пойдём по её следу!

Коротышка неуверенно согласился:

– Пойдём. Только след уже старый.

Задумчиво пожевал нижнюю губу.

– Может, её уже кто давно съел.

Длинный промолчал. Для возражения у него не нашлось аргументов. Но по следу беглянки всё же пошли. Долговязый впереди, а коротышка, как всегда, сзади. И не зря пошли. Повезло им. Голова Чвака, помещённая на предельно вытянутой шее, заметила что-то подозрительное в примятой лесной траве. Ей показалось, что там кто-то обосновался. Может, это Чара? Может, она тоже уснула, как они? А почему бы и нет? Если спать, то всем сразу! А то

несправедливо получается. Они уснули, а Чара нет. Конечно же, там спит Чара! Ведь больше никому!

Чвак радостно ткнул пальцем в нужном направлении.

– Чара!

Коротышка ничего не видел, но сильно снедался любопытством.

– Где?

Длинный воодушевлённо ткнул пальцем в нужном направлении ещё раз.

– Там.

Самоуверенно хихикнул:

– Спит!

Чав тоже хихикнул, но не так раскрепощено, как Чвак:

– Спит? Как мы? Ага! Возьмём тёпленькой!

Пригнувшись, преследователи приступили к охоте. Главное, не спугнуть добычу! И они очень правильно делали, что не шумели. Их ждала, действительно, роскошная добыча. Только, была она не про них!

Когда же они увидели всю картину целиком, то сильно пожалели о том, что вообще пришли туда! У них разом опустились все внутренности. Перед их глазами предстала совсем не Чара. В примятой траве отдыхал грозный, клыкастый зверь. Он спал, но спал чутко. Ус на его левой щеке всё время дёргался.

Охотники остолбенели. Они тотчас захотели убежать, однако им отказали ноги.

Чвак спонтанно выдал из себя очень тонкий звук:

– О – о – о – о!

Зверь во сне нервно стеганул хвостом по земле и приоткрыл жёлтый клык.

У Чава, от страха, полезли на лоб глаза. Он тоже едва слышно пикнул:

– О – о – о – о!

Зверь нехотя приоткрыл один глаз. И тут остолбенелость их, как рукой сняло. Они рванули с места и понеслись, что было сил, прочь от страшного зверя.

Эх, если бы им подумать немного, включить голову вместо ног, то жизнь их могла бы и наладиться. Ведь так и напрашивалось простое решение: заберись на ближайшее дерево и сиди себе там, сколько надо. Не достанет никакой клыкастый. Он слишком тяжёл, чтобы карабкаться по деревьям. И чересчур горд и нетерпелив, чтобы караулить под деревом свою жертву сутками. Так, посидит для протокола, и уйдёт.

Не сподобились. Страх ослепил. Предпочли посоревноваться с большой и стремительной кошкой в беге на марафонскую дистанцию по густой траве. А зря! Они со страха забыли, что у зверя на две ноги больше!

Удаляться в том же порядке, что и идти по следу, у них не получилось. Никто не желал быть крайним. По этой причине чесали параллельными курсами. Шли ноздря в ноздю. И это несмотря на крупное различие в длине ног.

Когда Чвак оглянулся, то с ужасом увидел, что зверь уже твёрдо стоял на всех четырёх лапах, и был полон решимости двинуться по их следу.

Он прохрипел:

– Пропали!

Коротышка тоже оглянулся. В глазах тоска.

– Точно, пропали!

А у большой, клыкастой кошки, к тому времени, охотничий инстинкт проснулся уже окончательно. Она увидела лёгкую добычу. Мягкие и могучие лапы её напружинились и пришли в движение. В следующее мгновение, свирепый зверь уже стал стремительно пожирать пространство, с таким трудом отвоёванное несчастными охотниками. Неподвижные глаза его

били в одну точку. И этой точкой зверь выбрал для себя филейную часть упитанного тела коротышки, как самую аппетитную.

Коротенькие ножки толстяка уже не успевали за длинными ногами коллеги. Даже выброси он своё копьё, они бы всё равно не успевали. Поэтому, с копьём он не расстался. Впрочем, Чвак тоже сильно уступал в скорости клыкастой кошке, несмотря на весь свой энтузиазм.

Зверь неумолимо приближался. Охотники уже слышали за своей спиной его сдержанный, но торжествующий рык. Когда они оглянулись ещё раз, то увидели клыкастого зверя совсем рядом. Он готовился к последнему прыжку.

Охотники обернулись лицом к зверю и в отчаянии выставили вперёд свои жалкие копыя. Хотя понимали, что это бесполезно. Ещё не было такого случая, чтобы кто-то из охотников убил клыкастого зверя. Никогда не было!

Зверь взметнулся в воздух, и они увидели, летящую к ним, собственную смерть. Крепко зажмурили глаза, чтобы не видеть её. А вдруг она пролетит мимо? А может она и не прилетит вовсе, раз они её не видят? Видно, в душе они были субъективными идеалистами, а потому сильно надеялись, что окружающий их, суровый мир был всего лишь порождением их индивидуального пещерного разума. И стоит только перестать думать об этом брэнном мире, как он тут же исчезает...

И, действительно, смерть не прилетела! Вернее, она не долетела. Они услышали глухой шлепок и всё! Будто кто-то плюхнулся мягким животом в мелкую лужу. И всё же, смерть не долетела к ним не потому, что они придерживались основной парадигмы субъективной идеалистической философии, а по другой, не ведомой им причине...

Робко приоткрыли глаза и увидели могучего зверя. Он лежал совсем рядом, почти у ног. Доступный и пушистый. Страшные глаза его были закрыты. Вместо грозного рыка слышалось мирное урчание. Могучие лапы неловко подвёрнуты, словно из них вынули кости.

Слуги вождя не верили своему счастью. Длинный, на всякий случай, протёр глаза. Думал, почудилось! Нет, не почудилось. Зверь, действительно, лежал у их ног.

Он ошеломлённо посмотрел на Чава.

– Спит?

У коротышки мелко-мелко дрожала нижняя челюсть.

– Ага!

Чвак стоял белый, как кость, какую он ещё недавно грыз в коллективе с Чавом.

– Передумал обедать, что ли?

Чав судорожно двинул кадыком.

– Ага!

Его длинный коллега сдавленно высказал ещё одно предположение:

– Или недоспал?

Коротышка снова согласился:

– Ага!

Потом поскрёб загривок и прошипел:

– Бежим, пока спит. Далеко убежим. Не догонит!

Но Чвак неожиданно заколебался, терзаемый внутренними противоречиями. В этот момент он, наверняка, чувствовал себя Гамлетом, принцем датским.

– Подождём немного...

В маленьких глазах коротышки сквозил ужас.

– Чего ждать? А вдруг снова уснём сами? Тогда он съест нас, если проснётся первым!

Длинный охотник проигнорировал коротышку. Он внимательно присмотрелся к зверю. Тот продолжал лежать, как бревно. Даже усом не шевелил. Длинный осмелел.

– Спит крепко. Убежать успеем!

Потоптавшись ещё немного, он приблизился к спящему зверю. Коротышка, преодолевая страх, тоже сделал полшага вперёд. Теперь клыкастый зверь лежал совсем рядом. Всего на расстоянии вытянутой руки. Бери, не хочу! Громадный и расслабленный. Свирепый и красивый. Ветерок соблазнительно гладил его короткую, атласную шерсть. Шкура, пока ещё принадлежавшая ему, сильно впечатлила охотников своей величиной и роскошью. А длинный и коротышка были одеты в такие костюмы, что без слёз смотреть нельзя. Да разве можно сравнивать шкуру беззубой косули с королевской шкурой клыкастого зверя? Даже смешно говорить на эту тему. А как сразу станут уважать Чвака и Чава люди племени, когда увидят их, облачёнными в шкуру большой, полосатой кошки. Даже представить затруднительно, как!

Подбадривая друг друга бегающими взглядами, они тенью обошли вокруг громадной кошки. В глазах затлеала алчность. Они на время даже забыли о собственной безопасности. Вот что значит проснувшийся меркантильный дух у деловых людей!

Длинный неуверенно облизнулся.

– Хороша шкура, а?

Чав проглотил слюнки.

– Ага!

Прицениваясь к шкуре, Чвак опасливо сверлил взглядом зверя. Тот продолжал лежать, как бревно. Это успокаивало.

Длинный охотник повернулся к коротышке.

– Поделим?

Чаву идея понравилась, но его раздирали противоречия. Страх с одной стороны, а жадность с другой. После судорожных раздумий, он согласился.

– Ага...

Длинный задал мужественный, но деловой вопрос:

– Как делить станем?

Вопрос застал коротышку врасплох.

– Не знаю.

Тогда Чвак предложил свой вариант действий со шкурой не убитого клыкастого:

– Делим поровну!

Коротышка радостно согласился:

– Ага!

Длинный бодро продолжил:

– Мне верх!

Оценивающе окинул округлую фигуру коротышки.

– А тебе низ!

Коротышка негодуя выпятил нижнюю губу.

– Почему мне низ?

Чвак пояснил:

– Там хвост, а ты коротышка. Хвост добавит тебе роста!

Довод коллеги прозвучал убедительно и Чав вернул свою нижнюю губу в исходное положение.

– Ага!

И тут он, совсем некстати, вспомнил о вожде, щеголявшем в костюме из шкуры молодого барашка. А он, наверняка, тоже захочет костюм от клыкастого хищника!

– А вождь?

Чвак приуныл. Вождь, действительно, потребует часть шкуры. И не абы что, а ту, которая с головой! Кто не захочет выглядеть героем? Особенно за чужой счёт! И попробуй не отдай. Будет себе дороже. А что достанется тогда ему, Чваку? Нехорошо всё это, очень плохо! Надо что-то придумать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.